

Дорога в три перевала

Лесная! Это село давно манило меня.

В своих записных книжках я делал пометки о Караге, Седанке, Ивашке и Вывенке — о многих корякских селах. Я люблю эти села, люблю потому, что вместе с ними живу и расту. Бывая в этих селах, встречаясь с людьми, я всегда говорю с гордостью:

— Прекрасная страна — моя Корьякия! Прекрасны и люди, живущие здесь. Красива и героична их жизнь. Поэтому мне всегда хочется писать о них красиво — они заслуживают этого.

Меня часто спрашивают: — Почему вы больше пишете только о хорошем и совсем мало о плохом?

О хорошем труднее говорить, потому что оно есть почти в каждом человеке, а вот плохое — в отдельных людях, плохое всегда легче заметить и убрать всем, что мы и делаем. Вот почему я больше пишу о хорошем. Все, что я вижу в дороге, мне хочется показать людям, чтобы они вместе со мной смотрели, радовались и удивлялись.

Вот почему меня манят дороги, зовут оленьи тропы. Вот почему теперь, укладывая в свой дорожный рюкзак вещи, я уже мысленно здороваюсь с тобой, мой новый знакомый:

— Амто, нымным Лесная!

* * *

ТРОПАМИ ДРУГА

Третий день в пути. Какая теперь езда? — удивятся многие, — ведь середина мая!

А мы едем. Днем греемся вместе с собаками на какой-нибудь проталине, а ночью продолжаем путь и просим темное небо открыть нам звезды и подарить хороший наст. Нас пятеро: четыре колхозника из центральной усадьбы колхоза «Путь Ильича» и я. Колхозники едут в верховья реки Лесная делая баты, а я — их спутник до села.

Отдыхаем, греем, как нерпушки, свои бока на солнце, опрастываем чайник за чайником и продолжаем мечтать о насте.

Мы перед третьим лесновским перевалом... И это дерево, под которым мы расположились на ночлег, и дорога — все так знакомо, как будто не один раз проходил и мой путь по этим местам.

Да, знакомо! Здесь ходил Кеша Яганов — наш друг и поэт. Я смотрю на березку, которая так приветливо склонилась надо мной тяжелые от набухших почек ветки, и думаю:

«Не под этим ли деревом писал свои стихи и зарисовки Иннокентий? Не тот ли тополь, что стоит за ручьем, отвернувшись от нас, назван Кешей «эгоистом»? Здесь все говорит о нем».

Я читаю его стихи об Индии и представляю заиндеветших лсов, везущих его по этой дороге, и любимую девушку, которой он посвящал эти стихи. Я читаю его стихи своим спутникам. Странно как-то: все четверо хорошо знают Иннокентия, как человека, но никто из четырех не слышал о том, что он поэт. И здесь, на небольшой, залитой щедрыми лучами солнца поляне, они открывают его впервые для себя, чтобы потом рассказать о нем людям.

Я читаю: коряки — спутники мои, слушают внимательно — им очень нравится стихотворение «Охота на лису».

С этого стихотворения началось наше знакомство и дружба. Первый Камчатский фестиваль! На театральной площадке города выступает первый корякский поэт — Иннокентий Яганов! Свои стихи он умел читать по-особому. Ему аплодировали, его просили читать еще,

и он читал. Читал «Цветок», «Моя работа», «Охота на лису».

— Еще почитай про лисицу, — просит Умье Кихляп, и я читаю:

**Я недавно у лесочка
Встретил рыжую лису;
Поскорей двустоволку
в руки —**

**Потихонечко ползу.
Подползаю, подползаю,
А она лежит и спит.
Не уйдешь ты, если только
Палец мой не задрожит.
А в душе воображение:
Застрелил, несу домой!
Даже девушка Ирина
Машет, машет мне рукой.
Бах! И вижу: что за чудо?
Упустил добычу я,
По кустам быстрее звука
Мчится лисонька моя.**

И. Яганов.

Помню и еще один день, памятный для нас обоих, день, когда нас с Кешей принимали в Камчатское литературное объединение. На заседании объединения Георгий Иванович Панкратов (председатель) вручал Иннокентию Яганову диплом первой степени за чтение собственных стихов. Тогда Иннокентий Яганов вошел в семью камчатских литераторов как признанный корякский поэт. У нас было с ним много встреч и бесед, дружеских и спорных, но мы всегда понимали друг друга. И думал ли я когда-нибудь, что пройдет совсем немного времени, и мне придется собирать посмертные записные книжки и дневники своего друга? Конечно, нет. Иннокентий мечтал о большой книге своих стихов, и мы, его товарищи по перу, верили в это, но трагическая гибель оборвала все замыслы молодого поэта.

Сегодня я иду по тропе, где не один раз проходил и проезжал он. Иду и словно читаю последнюю записную книжку поэта: «Край камчатский, край любимый».

...На четвертый день утром мы прибыли в Лесную. Небольшое село раскинуло свои домики вдоль невысоких сопков. Село прижато к их основанию быстрой и неглубокой рекой.

В эту пору Лесная — село охотников. Говорят старожилы, что нет такого места на всем западном побережье, где бы так густо валил гусь весной и осенью, как в Лесной. О том, что гуся и всякой иной живности здесь, как принято говорить у охотников, «навалом», я убедился позже, но охотников...

За все двадцатикилометровое расстояние от Кинкиля до Лесной я не отпускал руку от ствола — на каждом шагу, под любым чуть-чуть заметным кустом торчали то голова охотника, то стволы ружей...

Небольшой отдых. После утомительной езды на собаках нет никакого желания напрягать мысли. Я иду к матери поэта, Дарье Васильевне. И

здесь, отдавшись самым непосредственным впечатлениям, мне хочется сидеть и говорить с этой простой женщиной-корячкой, матерью Кешы. По ее скуластому испещренному морщинами лицу бегут крупные слезы: ведь ровно год, как погиб ее сын.

Дарья Васильевна показывает мне фотографии сына, вытаскивает из-под кровати баян (Кеша учился играть на нем), потом осторожно выносит откуда-то небольшой ящик, перевязанный тесьмой.

— Его книжки, — говорит она, — документы.

Вот два диплома Первого Камчатского фестиваля за лучшее исполнение своих стихов и шуточных частушек, книжка депутата сельского Совета (Иннокентий Яганов вел большую общественную работу), справки об образовании. В год гибели Иннокентий окончил восемь классов Лесновской вечерней школы. В справке, выданной директором Лесновской школы на имя Иннокентия Яганова, вы не найдете ни одной тройки. Иннокентий учился на хорошо и отлично.

— Особенно, — вспоминают учителя, — он любил литературу и историю, увлекался химией и физикой. По этим предметам у него самые высокие оценки — 5. Ведь недаром Кеша увлекался радиотехникой и долгое время работал на радиозле. Листая его дневники, я нахожу его первое стихотворение «Работа моя».

**Прямо скажу,
Ничего не тая:
Нравится очень
Работа моя.
Утром приду,
Аппараты включую,
Песней чудесной
Свой день начинаю.
Песня в эфире,
И весь мой народ
С гимном советским
Бодро встает.
Пусть до Москвы
Путь далек сквозь леса,
Но Кремлевских курантов
Слышны голоса.**

Я читаю его дневники и записные книжки, и как будто не они, а он сам говорит со мной. Вот маленькая тетрадь в синей обложке. Это его последний доклад о международном дне Первого мая. Я читаю его доклад, особенно последние страницы, где поэт говорит об успехах и недостатках своего колхоза. Он любил и знал свой колхоз, он имел право говорить от имени своих земляков. Дневники! Как много могут они рассказать о человеке! Им доверяет он все: и самое радостное, и самое горестное.

Я позволю себе смелость взглянуть в дневники поэта и прочитать кое-какие выдержки. Они многое дополняют ко всему сказанному.

«1 января 1963 года. Есть что вспомнить. Было все: и хорошее, и плохое. Самое светлое, запоминающееся на всю жизнь — стал членом Коммунистической партии, партии Ленина! Самое плохое — мало

еще работаю — пишу, сочиняю...»

«21 января. Проводил гонки на собаках и оленях, потом соревнование по стрельбе. Участвовало 28 человек. Есть плохие стрелки, хотя и охотники, как Яганов И. Д., Попов С. И., Яганов Н. Г. Их надо поучить».

В дневниках много строк о любви. Кеша любил. Вот и сейчас, когда я просматриваю дневники, со мной рядом мальчик, очень похожий на Кешу. Ему шесть лет, звать Володей. Это сын поэта. Он живет с бабушкой. А строки из дневника, стихи о любви поэт посвящал матери, своей жене. Очень трудна была его личная жизнь, об этом он пишет в дневнике, но все же лучшие стихи он дарит жене:

ЦВЕТОЧЕК

Цветочек нежными руками
Она сорвала и ко мне

бежит,

И с улыбкою, блестя

глазами,

Подойдя, задорно говорит:

— Полюбуйся: чудо-то какое,
Тебе таких здесь не сыскать.
Срисуй мне что-нибудь такое,
Чтобы смогла я вышивать.
А я смущенно улыбался,
Любуясь северным цветком.
Втайне же больше любовался
Ее сияющим лицом.

Живя в национальном селе, поэт не мог не видеть, как хорошеет жизнь его земляков. Строится ли школа, открылся ли вечерний класс, есть ли дрова в библиотеке и клубе — все интересовало поэта, депутата сельского Совета, слуги народа. Обо всем этом новым и писал поэт.

И не только мечтой жил поэт. Он работал и творил сегодня, чтобы прийти в светлое завтра.

Говоря о его жизни и творчестве, мне хочется рассказать еще об одном большом увлечении поэта, которое, как и поэзия, было его постоянным спутником. Передо мной несколько альбомов с фотографиями. Здесь лучшие люди села и округа, удивительные снимки камчатской природы. Иннокентий мог тонко чувствовать красоту своего края. Ведь недаром на районном смотре в Тигиле снимки, сделанные корякским фотографом Иннокентием Ягановым, получили первую премию. Глядя на жизнь глазами поэта, он воспроизводил ее в снимках, как художник.

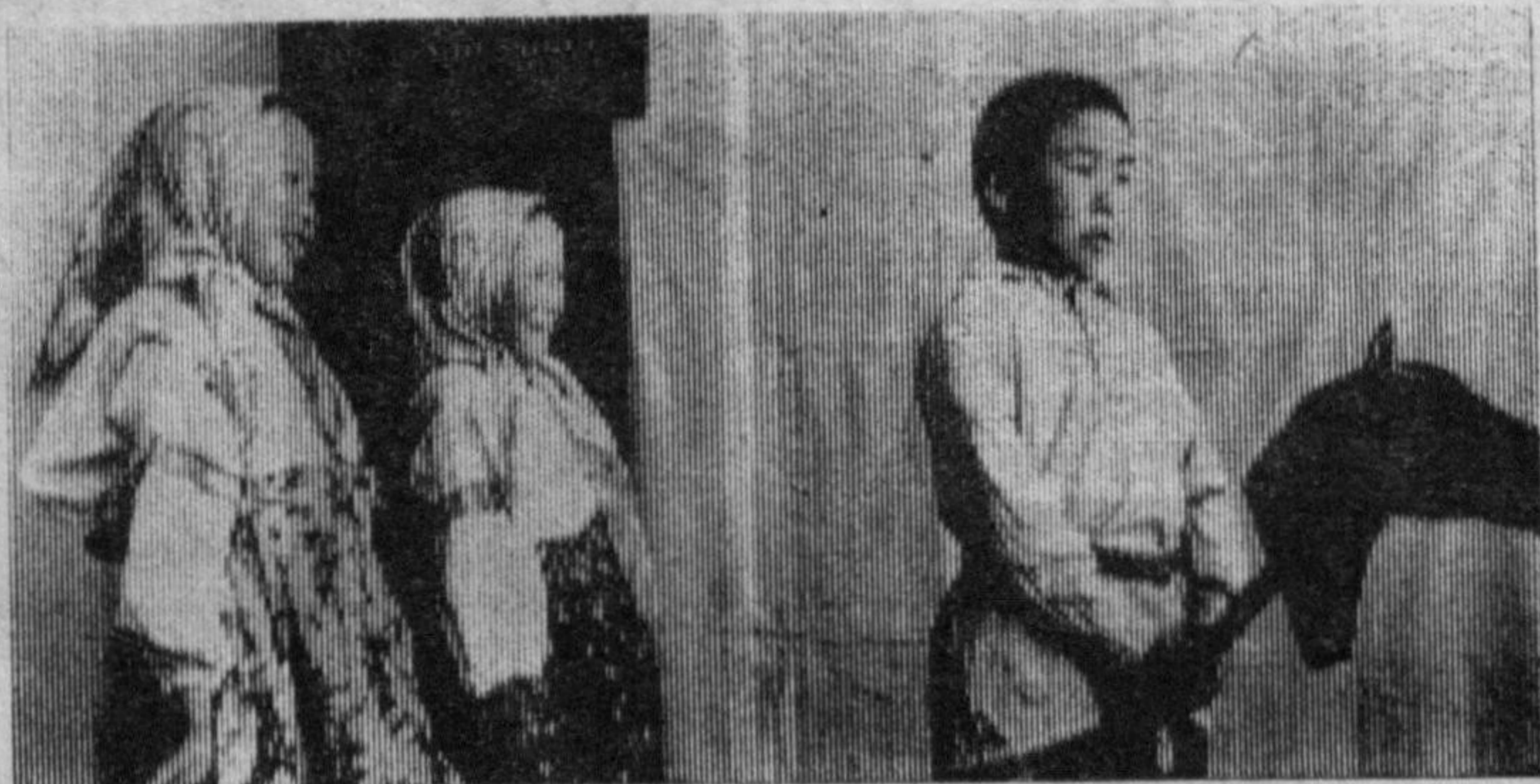
Вечерело... Я попросил у Дарьи Васильевны его записные книжки и дневники, чтобы вечером на встрече с жителями села подробнее рассказать землякам Иннокентия Яганова о его творчестве.

Клубный зал был переполнен: и молодежь, и старики пришли слушать беседу «О современной литературе и песенно-танцевальном творчестве корякского народа».

Я говорил о многих авторах корякских, о новых танцах и песнях, но, когда стал говорить об Иннокентии, стал читать его стихи, зал замер — ведь многие знали и любили простые и доходчивые стихи молодого поэта.

И я был рад, что мне выпало большое счастье знакомить их с прекрасной рукою своего друга. Как и многие земляки поэта, я уверен, что если будет (а это непременно должно быть) создаваться большой сборник корякских авторов, то стихи и зарисовки Иннокентия Яганова — первого корякского поэта, займут в нем достойное место.

(Продолжение следует).

Дорога в три перевала

(Окончание.
Начало в № 71).

ВЫ НЕ ПРАВЫ, т. ЗУБАКОВ

Перед самым отъездом в табуна я зашел в правление колхоза, чтобы узнать, где находится стадо и решить некоторые вопросы относительно снабжения продуктами пастухов стада № 1. (Недавно оттуда приехал пастух за продуктами).

18 мая. В табуне в самом изгоне отел... и вдруг оттуда пастух, да еще и за продуктами.

Заместителя председателя т. Аянова я не застал, он был на районных объектах, зато встретил главного бухгалтера колхоза Василия Ивановича Зубакова.

Засунув руки в карманы пальто, оглядев меня удивленными глазами, Василий Иванович доумевал:

— Что им няньки нужны? ватит! 40 лет учим. Сидят сетами, в табуне, бездельничают!

Я попытался спокойно объяснить разгневанному главбуху, о труд оленеводов — это особый труд, так же как и их изн. Но, где там!

— Рыбаки! Вот это труд! — Василий Иванович продолжал винить пастухов даже в нечестности.

Я молчал, молчал потому, что мне, как и колхозникам, было стыдно слушать неумные сказывания главного бухгалтера колхоза «Путь Ильича».

Конечно, я был уверен, что Зубаков не выражал мнение о них, но с подобными мыслями мириться нельзя.

Впереди нас ждала дорога в табуна, и я был убежден, что во всем не прав т. Зубаков. Любопытство, хозяева оленеводов были всегда желанными гостями моих дорожных зарисовок. Я знаю их жизнь и поэтому еще раз заявляю:

— Вы не правы, т. Зубаков! И так, после неприятного разговора в правлении, утром 18 мая мы выехали из Лесной в новый дальний табуна, где бригадиром Яганов Петр Григорьевич.

II. ЗВЕЗДЫ НАД ТУНДРОЙ

Вам не случалось встречать свет далеко в тундре, у подножия хребтов, в шалаше из сухих кедровых веток, на полях из вербовых? Если нет, слушайте.

Встал я рано (разбудила кушетка, поддетевшая прямо к лашу), и спать больше уже не хотелось. Мои спутники: молодой пастух Христофор и врач сновской больницы Людмила Гьянкина — крепко еще спали.

Вышел из шалаша, разжег костер и стал вспоминать всю жизнь. Пятая ночь в тундре. Вдоль неласковая: то дождь, то снег, местами плывут собаки — идем по воде и мы.

— А сегодня, — говорит Христофор, — будем дома! Для него дом. Для меня тоже. Я смотрю на Людмилу Васильевну. Ей трудно. Это я вижу по ее уставшим глазам. Она когда уходит куда-то, потом возвращается с заплаканными глазами. Но она идет. Идет, потому что там, далеко в хребтах, ее ждут.

А теперь она, как и мы, каждый день, каждый час мечтает о родине. И может не надо писать об этом? — спрашиваю я своих товарищей. Они молчат. Молчат значит надо писать, значит надо идти. И мы идем.

Дорога —
Снег да вода,
Месим ногами,
Дальше идем.
Небо! Хотя бы
Одна звезда.
Откройте, звезды!
Мы наста ждем.
Ждем пятые сутки...

Плывут собаки,
Скулят от натуги
Четвероногие.
С «курилом» бьемся
В словесной драке,
Друг другу кажемся
Очень строгие.

— Откройте, звезды!
Ты шепчешь в небо,
И вторит тебе
Каждый из нас.
Просим небо,
Молим небо,
Дай нам наст!
Наст! Наст!
Нас трое в пути,
Середина мая...
Хмурое небо,
То дождь, то снег,
От воды под нами
Дорога живая...
А звезд все нет
И наста нет.
Он —
Наш проводник,
Пастух привычный,
Ему такие дороги
Знакомы.

А как же ты,
Человек столичный?
Может вернешься
И завтра дома?
Может к черту
Эти дороги,
И очень громкое:
«Учиться жить?»
Там без тебя
Прожить ведь могут,
Зачем же теперь
Дорогу месить?
Дорога! Дорога!
Совсем как живая:
То дождь, то снег,
Собаки плывут.
Дорога твоя
В середине мая.
К людям дорога,
Там тебя ждут.

Да, здесь нас ждали. Стойбище стада № 1 раскинулось на левом берегу реки Шаманки, на большом шарообразном поле. Кругом были горы. С востока тянулись волнистые гряды высоких, довольно обрывистых вершин Карагинского перевала. Горы повсюду заслоняли горизонт. Воздух был горный, чистый. Ослепительный, белый снег напоминал своей свежестью, что не так давно здесь бушевала вьюга. Стойбище находилось почти на самой вершине перевала, поэтому любой ветер здесь мог поднять вьюгу.

Пошел крутой спуск, не в меру оживились псы, почуяв близко жилье и оленей. Для всякой осторожности я объявляю полозья нарты цепями — собаки теперь рвутся, так их не удержать.

— Вот мы и дома! — кричит Христофор, еле удерживая свою упряжку. Но средник не выдерживает, и вся свора псов скатывается без нарты вниз к реке, там привязаны ездовые олени. Олени срываются с привязи и убегают в тундру, собаки грызутся между собой, а Христофор на двух псах-подбаранниках въезжает в стойбище. Следом я, на перевернутой нарте верхом, а где-то на спуске ползет по поясу в рыхлом снегу Людмила Васильевна.

Так мы добрались до стойбища. Оно состояло из одной меховой палатки и десяти груженых аргиз. Рядом с палаткой, на двух длинных столбах были натянуты антенны.

Здорово! В тундре — антенны! Радио! Да разве теперь кого этим удивишь?

И как всегда, нас вышли встречать женщины, пастухи. Сейчас нужен зоркий глаз, в табуне — отел. Чуть проглядел — замерз каюю, а то и воронье

заклевало. Пастух дежурит и днем и ночью.

По оживленным разговорам и помощи, которую оказывали нам «хозяйки чума», нетрудно было понять, что здесь нас очень ждали. Меховая палатка. Мы входим во внутрь.

— Здесь как дома! — удивляется Людмила Васильевна. — Тепло и светло!

А с переднего угла, словно в ответ на ее удивление, отвечает радио:

— Говорит Палана!

Коряки слушают свое, корякское радио. Людмила Васильевна радуется, из моих рассказов ей знаком полог дымной юрты. Полог был тюрьмой, где вечно царствовала тьма, озаренная тусклым светом жирника, где попеременно бывало то холодно, как на дне колодца, то жарко, как в бане, где каждый из живущих в нем был обречен задыхаться вечерами и мерзнуть зимними долгими ночами.

Теплая меховая палатка. Здесь нет полога. Есть окна и солнечный свет, здесь говорит радио и живут наши, советские люди — хозяева оленных троп.

III. ДЕЛА И ДУМЫ ПАСТУХОВ

Трудная в этом году была зима. Много вьюг, сильные морозы. Однако в стаде № 1 неплохо прошел зимний период. За лето и осень олени окрепли, выдержали суровую зиму. В стаде не было падежа. В этом большая заслуга всего коллектива во главе с его бригадиром Ягановым Петром Григорьевичем. Однако плохо, когда коллектив, увлекшись успехами, забудет главное, успокоится на достигнутом, и тогда вся кропотливая работа, потребовавшая много сил и энергии, пойдет насмарку. В стаде большой падеж молодняка, много яловых важенков. Это настораживает. Более того, волнует. Вместе со старшим пастухом Поповым я иду в стадо. Оно находится недалеко от стойбища. Вот она, многогостенная масса. Стадо беспокойно. Оно постоянно в движении. Вглядываюсь внимательно:

— У вас что, стадо не разбивали? — спрашиваю у Попова. Он кивает, что не разбивали.

— Присмотритесь внимательно, — говорит он, — телята прошлого года не дают сосать каюю этого года. Отбивают их от маток! Это непорядок.

— Почему же не производили отбивку? — Мне хочется знать, я спрашиваю у старшего пастуха, допытываюсь у бригадира. Один ответ:

— Мы не смогли сделать, а помощи правление не оказало. Не выделило дополнительно людей.

Люди просили помощи для большого дела, но на их просьбу отвечали молчанием. И пришла помощь поздно, когда уже начался отел. Так стадо осталось неразбитым. Вот вам одна из причин того, что из 480 новорожденных 70 пало, 15 из них задрал медведь.

Большая вина в этом коллектива. Нужно было не говорить, а звонить в колокола о помощи. А помощь можно было оказать. Тот же Василий Иванович после моего приезда из табуна говорил, что ставили вопрос этот на правлении, был тогда и сам председатель Д. И. Громаков, но почему-то и он даже не поинтересовался табуном. Вероятно, и т. Громаков забыл, что оленеводство в колхозе «Путь Ильича» является одной из ведущих отраслей, и о ней нельзя забывать.

В табуне неблагополучно с противоводовой обработкой и солевой подкормкой. Не завозят соль, нет препаратов для обработки. С ноября никто из членов правления не заглядывал в табуна, не интересовался жизнью пастухов.

Живут люди у самых хребтов, пасут оленей. Ну и пусть пасут, так, вероятно, думают

некоторые члены правления колхоза.

Не пора ли тт. Громакову и Максимова по-серьезному взяться за оленеводство, больше проявлять внимания нуждам и запросам оленеводов?

Пастухи бригады № 1 заверили нас, что они исправят свою ошибку, что летний выпас и осенний гон — их важная задача, с которой они постараются успешно справиться, но вместе с тем, они просили удовлетворять их просьбы, прислушиваться к их мнению, чаще бывать у них в стадах.

Бригада стада № 1 просила правление решить вопросы о пастбищах. Ведь не дело, когда карагинские стада выпасаются на основных пастбищах стада № 1. Об этом нужно подумать и карагинским руководителям колхозов.

IV. И СНОВА — ПЕСНИ

Три дня пролетели незаметно. Мы вместе с пастухами пасли оленей, сделали окончательный подсчет новорожденных. Пастухи внимательно слушали беседу о февральском Пленуме ЦК КПСС, с интересом просматривали фотовыставку и прослушали беседу «О песенно-танцевальном творчестве корякского народа». Людмила Васильевна осмотрела всех пастухов, провела беседу с женщинами, учила чумработницу Аню Попову готовить котлеты и пельмени. Работы было много. И вот последний день. Завтра мы едем в село, а пастухи вместе со стадом будут перекочевывать на новое место.

По такому случаю весь женский персонал палатки и я принимаемся стряпать пельмени. И вечером за большим, дружеским столом мы подводим итог нашего трехдневного пребывания в табуне.

Завтра в путь, а сегодня далеко в хребтах, в палатке пастухов, я дарю хозяевам оленных троп много хороших песен. Они слушают, они просят: «Эту! Эту!» Я дарю им песни. Ведь с песней всегда по жизни шагать легко.

До скорой встречи, земляки!